

А.М. Сморчков

ХРАМОВОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В ЭПОХУ РАННЕЙ РЕСПУБЛИКИ (V–IV вв. до н.э.): ИСТОРИЯ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Статья посвящена истории и специфике храмового строительства в древнем Риме в V–IV вв. до н.э. Основной задачей исследования является выяснение соотношения в этой сфере коммунального (общинного) начала, представленного сенатом, и индивидуального – в лице магистратов.

Ключевые слова: древний Рим, ранняя Республика, храмовое строительство, сенат, магистраты.

Места культа, в том числе храмы, занимают важное место в любой религиозной системе, определяя многие ее специфические черты. История и процедура учреждения общественных храмов в древнем Риме отличались значительным своеобразием даже по сравнению с типологически близкой древнегреческой цивилизацией¹. При этом содержание храмового строительства в эпоху Республики не было единым: совокупность экономических, политических, идеологических факторов позволяет выделить три этапа, центральным среди которых является период от конца IV до середины II в. до н.э. Подобное деление явно или имплицитно присутствует в работах, посвященных республиканскому храмовому строительству, хотя его критерии нигде четко не сформулированы. По моему мнению, важнейшим (но не единственным) критерием является соотношение коммунального (общинного) и индивидуального начал в этой сфере. «Золотым веком» общественного храмового строительства при Республике, воплотившим основные принципы религиозно-политической организации римской гражданской общины, с полным основанием можно назвать второй период (конец IV – середина II в. до н.э.). В значительной своей части он представлен в сохранившихся книгах Ливия. А поскольку основная масса нарративной информации об учреждении храмов исходит именно от Ливия², то вполне понятно, что исследования политических, религиозных и особенно процедурных вопросов, связанных с учреждением общественного храма в республиканском Риме, базируются на сведениях из этого

Сморчков Андрей Михайлович – кандидат исторических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета.

¹ Некоторые наблюдения по этому поводу см. Rohde 1932, 3–5.

² Сопоставление характера информации у разных античных авторов см. Aberson 1994, 39–45, 46–53 (Тит Ливий). Особенно наглядно преобладание сведений Ливия представлено здесь же в таблицах: Aberson 1994, 225–255.

периода³. На следующем этапе (от середины II в. до н.э. до конца Республики) строительство новых общественных храмов резко сокращается⁴, а процесс приобретает практически индивидуальный характер⁵, что соответствует общим тенденциям этой кризисной эпохи, обусловившим рост значения и амбиций отдельных личностей.

В данной статье рассматривается социально-политическое содержание начального этапа республиканского храмового строительства, который охватывает период от установления Республики до II Самнитской войны, послужившей катализатором коренных изменений в этой области (см. ниже). Он привлек гораздо меньше внимания в историографии, хотя по отдельности храмы часто упоминаются в различных контекстах при решении тех или иных исследовательских задач. Например, практически любая работа, посвященная переходу от царской власти к Республике, не обходится без храма капитолийской триады, учреждение которого является важной точкой отсчета в раннереспубликанской хронологии. Имеется обширная историография, связанная с археологическими изысканиями, где изучается местоположение того или иного храма, атрибуция найденных строительных остатков, вопросы архитектуры и строительной техники и т.п. Но в рамках рассматриваемого периода лишь храмовое строительство IV в. до н.э. стало объектом комплексного, хотя и краткого, исторического анализа в монографии А. Жолковски⁶, посвященной храмам, учрежденным в 396–219 годы до н.э. Его хронологический выбор мне представляется произвольным, поскольку именно в конце IV в. произошли принципиальные изменения, ознаменовавшие начало нового этапа (см. ниже). Но в подходе А. Жолковски есть и рациональное зерно: объединив в своем исследовании разные периоды, он сумел четко выявить и проанализировать взаимодействие коммунального (общинного) и индивидуального начал в храмовом строительстве, отдавая преимущество второму, хотя грань между ними, на мой взгляд, провел слишком резко⁷. Его работу, как и монографии М. Аберсон и Э.М. Орлина (см. прим. 3), объединяет преимущественный интерес к процедуре учреждения храма и ее этапам (*votum, locatio, dedicatio*). Поэтому храмовое строительство изучается, прежде всего, сквозь призму процедурных вопросов, а не в исторической перспективе. Кроме того, М. Аберсон явно увлечена формальными сторонами храмового строительства и статистическими выкладками. Последние имеются и в работе Э.М. Орлина. Его концепция, в отличие от А. Жолковски, чрезмерно преувеличивает роль сената и возможности его контроля за магистратами. Но в то же время автор справедливо подчеркивает неформальный и ситуативный характер решений, принимаемых в религиозных делах, четко осознает сложность определения закономерностей в этой области.

³ Наиболее фундаментальные работы: Ziolkowski 1992; Aberson 1994; Orlin 1997. Как ни удивительно (хотя, может быть, показательно), но в обширной 500-страничной работе «A Companion to Roman Religion» (Oxf., 2007) под редакцией Йорга Рюнке вообще не нашлось места для истории храмового строительства в древнем Риме и для процедуры основания общественного храма.

⁴ Orlin 1997, 194–195.

⁵ Подробный сравнительный анализ второго и третьего периодов, прежде всего, роли магистратов и сената в храмовом строительстве см. Orlin 1997, 190–198.

⁶ Ziolkowski 1992, 236–244.

⁷ Ziolkowski 1992, 235–236. Критика отдельных сторон в принципиальном плане верной идеи А. Жолковски не входит в задачи данной статьи.

Хотя монографии М. Аберсон и Э.М. Орлина посвящены храмовому строительству всей республиканской эпохи, в основном в них анализируются сведения, относящиеся к центральному периоду (конец IV – середина II в. до н.э.). Малый интерес к начальному этапу вполне объясним в силу общеизвестных источниковедческих проблем истории раннего Рима, при изучении которой исследователь вынужден исходить из весьма поздней традиции. На ее качестве, несомненно, сказались последствия галльского разорения. К тому же архаические святилища ветшали, а при новом посвящении (редедикации) после ремонта или восстановления в дедикационных надписях указывали имя нового посвятителя, память же о прежних дедикациях и редедикациях постепенно стиралась. А именно эти надписи служили основным источником сведений о храмовом строительстве для поздней римской историографии: в частности, Ливий неоднократно упоминает о храмовом обете не в момент его произнесения, а только в рассказе о дедикации храма⁸, явно получая сведения о дедикации и обете из одного источника. Археологические сведения зачастую не имеют однозначно убедительной интерпретации⁹. Учтем и то обстоятельство, что в рассматриваемое время храмы строились редко, а это весьма затрудняет выявление закономерностей в храмовом строительстве, отделение общего от уникального.

Исзуемый период не был абсолютно единым по интенсивности и характеру храмового строительства, соответственно в нем выделяются свои «узловые» точки, которые будут рассмотрены далее. Комплекс взаимосвязанных вопросов очень велик, поэтому предлагаемое исследование ограничено выяснением основных особенностей, прежде всего политического характера, определявших содержание храмового строительства в V–IV вв. до н.э. Главное внимание будет уделено анализу роли магистратов и сената, взаимодействовавших в этом процессе. Для сравнения вкратце затронуто начало следующего периода, который, как отмечено выше, являлся классическим в истории республиканского храмового строительства. За рамками статьи остались такие проблемы, несомненно, важные, как религиозные влияния (главным образом, греческие, ясно обозначившиеся в этот период), сущность богов, которым были посвящены храмы, точное местоположение храмов и т.п. Они рассматриваются лишь в указанном общем контексте, не будучи объектом специального анализа.

Традиция говорит о существовании сакральных мест на территории будущего Рима с незапамятных времен¹⁰. Первым храмом, построенным после основания Рима, считался учрежденный Ромулом храм Юпитера Феретрия¹¹, который был расширен при четвертом римском царе, Анке Марции (Liv. I. 33. 9). Дионисий видел следы на вершине Капитолия, которые он считал относящимися к древнему храму Юпитера Феретрия, отметив его небольшие размеры – длиной менее

⁸ Liv. VI. 5. 8; IX. 43. 25; X. 1. 9; 46. 7; XXII. 33. 7; XXIII. 21. 7; XXXV. 9. 6; 41. 8 (не был упомянут в соответствующем месте консульский обет Л. Фурия Пурпуриона, преторский же – упомянут); XXXVI. 36. 5–6; XL. 34. 4–6; 52. 4.

⁹ Ср. скептические замечания по этому поводу Drummond: 2008a (1989), 22 (esp. n. 41).

¹⁰ В частности, к мифическим временам Геркулеса и аркадянина Эвандра античная традиция относил учреждение «Великого алтаря» (ara maxima) у Большого цирка: Liv. I. 7. 3–14; Dionys. I. 40. 2–6; Strabo. V. 3. 3; Verg. Aen. VIII. 268–272; Ovid. Fast. I. 579–582; Fest. P. 270L. s.v. Potitium: Tac. Ann. XV. 41; Serv. Ad Aen. III. 407; VIII. 269–271, 288; Macr. Sat. III. 6. 17.

¹¹ Liv. I. 10. 5–7. Ср.: Dionys. II. 34. 4; Nep. Att. 20. 3; Propert. IV. 10.

15 футов, т.е. около 4,5 м (Dionys. II. 34. 4). Царям приписывалось учреждение многих храмов, святилищ и священных мест, порой имевших явные первобытные корни. В некоторых случаях логика традиции вполне очевидна, например, стремление связать святилища Фортуны с ее любимцем Сервием Туллем¹². Ряд святилищ царского времени был обнаружен в ходе археологических изысканий, но их атрибуция остается спорной¹³.

Символом римской религии и государственности стал храм Юпитера Всеблагородного Величайшего (Юпитера, Юноны и Минервы), построенный на Капитолии Тарквиниями¹⁴. Для своей эпохи он был одним из крупнейших в Средиземноморье: его подиум имел стороны длиной 61 и 55 м¹⁵. Несомненно, основание храма капитолийской триады представлялось античным авторам поворотным пунктом в римском храмовом строительстве. Недаром же история его возведения оказалась тесно связанной с «римским мифом», а сам храм стал восприниматься как залог римского могущества¹⁶. Интересно отметить, что Ливий, называя в первой книге своего труда различные святилища царского периода, избегает прилагать к ним часто встречающийся у него в следующих книгах термин *aedes* – «храмовое здание». За исключением храма Юпитера Капитолийского (Liv. I. 38. 7; II. 8. 6), этот термин он употребил лишь однажды – для упоминавшегося храма Юпитера Феретрия после перестройки при Анке Марции (I. 33. 9). По отношению к другим святилищам царского времени (не только римским) им применяются преимущественно термины *templum*¹⁷ и *fanum*¹⁸, чье первоначальное, собственное, значение – «священный участок». Кроме того, трижды в обобщающих высказываниях Ливий использовал термин *sacellum* – «небольшое святилище» (I. 32. 3; 55. 2, 3). Не исключено, что отмеченное предпочтение в выборе терминов отражает представление (возможно, неосознанное) о принципиальной разнице между архаичес-

¹² Varro. LL. VI. 17; Liv. X. 46. 14; Dionys. IV. 27. 7; 40. 7; Ovid. Fast. VI. 569–572; 773–784; Plut. QR. 74. Об особом отношении богини к царю см. Ovid. Fast. VI. 569–580; Val. Max. III. 4. 3; Plut. QR. 36.

¹³ Например, раскопки, начатые в 1938 г. рядом с церковью S. Omobono, вскрыли остатки архаического храма, построенного около 575 г. до н.э. и перестроенного около 525 г. до н.э.: Momigliano 2008 (1989), 76–77; Ziolkowski 1992, 105. Согласно традиции, Сервий Туллий возвел здесь (на Бычьем Форуме) храмы Матери Матуты и Фортуны: Liv. V. 19. 6; Dionys. IV. 27. 7; Ovid. Fast. VI. 477–480; 569–572. Обнаруженные остатки исследователи связывают с храмом Фортуны: Torelli 2008 (1989), 49–50; Cornell 1995, 108, 146. Но это отождествление оспаривается: Drummond 2008a (1989), 22, n. 41; Momigliano 2008 (1989), 76–77; Forsythe 2005, 90–91.

¹⁴ Cic. Rep. II. 36, 44; Liv. I. 38. 7; 53. 3; 55. 56. 1; Dionys. III. 69; IV. 59, 61; Plut. Popl. 13–15; Plin. NH. III. 70; Tac. Hist. III. 72; Flor. I. 7. 8; Eutr. I. 8. 1; Zon. VII. 11; Isid. XV. 2. 31.

¹⁵ Cornell 2008 (1989), 251. Цифры других исследователей близки названным: Gjerstad 1960, 178 (в частности, сам Э. Гьерстад предлагает 62,25 на 53,5 м). Примерно такие же размеры указывает Дионисий, отмечавший, что первоначальное основание храма не менялось и составляло почти квадрат со стороной около двухсот футов, где длина превышала ширину менее чем на 15 футов (Dionys. IV. 61. 3–4). Это дает примерно по 60 м с разницей между сторонами в 4,5 м.

¹⁶ Liv. I. 38. 7; 53. 3; 55. 2–6; Dionys. III. 69. 4–6; IV. 59. 2 – 61. 2; Plin. NH. XXVIII. 15–16; Tac. Hist. III. 72; IV. 54; Flor. I. 7. 8–9; Plut. Popl. 13; Dio Cass. Fr. XI. 8; Zon. VII. 11; Serv. Ad Aen. VIII. 345; Arnob. VI. 7; Isid. XV. 2. 31. Ср. Varro. LL. V. 41.

¹⁷ Liv. I. 10. 5–7 (Ромулов храм Юпитера Феретрия); 12. 6; 20. 3, 5; 29. 5, 6; 45. 4.

¹⁸ Liv. I. 27. 7; 30. 5; 45. 2, 6; 55. 2, 3.

кими святилищами царской эпохи и храмами республиканского периода¹⁹, начало которым положил построенный этрусскими мастерами и по этрусскому образцу храм Юпитера Капитолийского²⁰. Наглядным примером являются сравнительные размеры вышеупомянутого (см. прим. 13) храма Фортуны (Матери Матуты) на Бычьем форуме в царский период и в начале IV в. до н.э.: площадь второго больше почти в восемь раз²¹. Тертуллиан (Apol. XXV. 12–13; Ad Nat. II. 17), опираясь на «Божественные древности» Варрона²², писал даже о полном отсутствии храмов в религии Нумы.

Весьма символично античная традиция отнесла дедикацию храма Юпитера Всеблагого Величайшего к началу Республики. Освящен он был одним из первых консулов Марком Горацием Пульвиллом²³. Таким образом, есть определенный резон историю храмового строительства в Риме рассматривать именно с установления Республики, хотя республиканским храмам нередко предшествовали гораздо более древние святилища и места культа. Следует также упомянуть, – хотя проверить информацию не представляется возможным, – что основателю Республики Бруту Макробий приписывал освящение храма (templum) богини Карны на Целии (Macr. Sat. I. 12. 31–32). Fanum Карны упоминает Тертуллиан (Ad nat. II. 9). Как отмечалось, первоначально термины templum и fanum означали «священный участок», поэтому нельзя однозначно утверждать, что у обоих авторов речь шла именно о храмовом здании, хотя это не исключено. Карна была стариннейшей богиней, «отвечавшей» за здоровье внутренних органов человека²⁴. Возможно, она имела и более «важные» функции, являясь богиней подземного мира²⁵. О значении Карны говорит наличие своего праздника 1 июня (Карнарии).

Следующие события, касающиеся храмового строительства, произошли примерно лет через десять. Во время сражения с латинами у Регилльского озера (в 499 или 496 г. до н.э.) диктатор Авл Постумий дал обет построить храм Кастору и Поллуксу²⁶, божественным близнецам Диоскурам, которые, как гласила легенда, помогали римлянам в этом сражении²⁷. Но посвящен храм был лишь через 12–15 лет, в 484 г. до н.э., уже сыном диктатора, избранным для этого в дуумвиры aedi dedicandae²⁸. Сведения нарративной традиции в данном случае имеют надежное

¹⁹ Ср. высказывания римлян о простоте и неказистости древнейших святилищ: *Varro. Vita pop. Rom.* I. Fr. 13 (ed. Riposati); *Liv.* XXXIV. 4. 4 (речь Катона Старшего); *Ovid. Fast.* I. 201–202; VI. 261–262; *Propert.* IV. 1. 5–7; *Vitr.* II. 1. 5.

²⁰ Конечно, не стоит переоценивать эту возможность. Ливий употребляет термин templum в позднем, обычном для его времени, значении «храмовое здание» и по отношению к храму Юпитера Капитолийского: *Liv.* I. 53. 3, 5; 55. 1, 2, 5; 56. 1; II. 8. 7, 8 (здесь речь идет о строительстве и посвящении, само собой, здания).

²¹ Планы обоих святилищ, наложенные друг на друга, см. Colonna 1981, 42, fig. 1; Momigliano 2008 (1989), 78, fig. 27a.

²² *Varro. Ant. rer. div.* I. Fr. 38 (ed. Cardauns).

²³ *Polyb.* III. 22. 1; *Cic. Dom.* 139; *Liv.* II. 8. 6–8; VII. 3. 8; *Dionys.* III. 69. 2; IV. 61. 3; V. 35. 3; *Val. Max.* V. 10. 1; *Plut. Popl.* 14–15; *Tac. Hist.* III. 72. Ср. *Plin. NH.* XXXIII. 19.

²⁴ Перечисление ее функций см. *Ovid. Fast.* VI. 101–182.

²⁵ Подробнее см. Aust 1899, 1597–1598; Fowler 1908, 130–133 (подчеркивается сельскохозяйственный характер Карны); Wissowa 1912, 236; Штаерман 1991, 278. Против: Latte 1960, 71, Anm. 3.

²⁶ *Liv.* II. 20. 12; 42. 5; *Flor.* I. 11. 4.

²⁷ *Cic. ND.* II. 6; III. 11; *Plut. Marc.* 3; *Dionys.* VI. 13. 1–3; *Flor.* I. 11. 4.

²⁸ *Liv.* II. 42. 5. Cf.: *Cic. ND.* III. 13; *Dionys.* VI. 13. 4.

археологическое подтверждение, не вызывающее сомнений у исследователей²⁹. Длительный срок строительства неудивителен для бедной римской общины, к тому же испытывавшей в то время серьезные экономические трудности. Даже Тарквиний Гордый, в изложении традиции, столкнулся со значительными финансовыми проблемами при постройке храма Юпитера Капитолийского, а ведь он имел возможность использовать не только финансы общины, но и труд ее граждан (Liv. I. 55. 7–9; 56. 1). Латинская же война дала повод для обета Постумия, но не средства для его выполнения: она завершилась, в конечном итоге, компромиссным миром, явно свидетельствовавшим, что ни о каком разгроме латинов, который принес бы сколько-нибудь заметную добычу, не может быть и речи. Однако тому же Авлу Постумию приписывался еще один обет – возвести храм Цереры, Либеры и Либеры³⁰, который был освящен консулом Сп. Кассием в 493 г. до н.э., т. е. уже через несколько лет после обета (Dionys. VI. 94. 3). Причем строился он, согласно Дионисию, на ту же самую добычу, взятую в войне с латинами (ibid. 17. 2; 94. 3). Объясняется ли такая разница в сроках строительства размерами святилищ³¹ или иными обстоятельствами – сложно сказать. Еще более странно, что об основании знаменитого храма Цереры, тесно связанного с плебейской организацией, ничего не говорит Ливий, упомянувший его впервые как существующий в рассказе о событиях 449 г. до н.э. (III. 55. 7, 13).

Весьма противоречивы и на удивление разнообразны сведения о посвящении храма (aedes) Сатурна на Форуме – там, где издавна существовал его алтарь, учрежденный, по мнению Дионисия, еще Гераклом³². Есть традиция о весьма раннем возникновении этого храма, приписывавшая его возведение царю Титу Тацию (Dionys. II. 50. 3) либо Туллу Гостилию³³. Но преобладало мнение, относящее храм к началу Республики, по крайней мере, его освящение (497 г. до н.э., но также возможны 501, 498, 493 годы до н.э.). Строительство же иногда связывали с Тарквинием Гордым³⁴. Особую версию, на которой следует остановиться отдельно, предложил анналист Гн. Геллий (вторая половина II в. до н.э.): храм Сатурна был построен по решению сената (senatum decrevit), руководил же его возведением военный трибун с консульской властью Луций Фурий (Gell. ap. Macr. Sat. I. 8. 1). Первый военный трибун с таким именем был избран в 432 г. до н.э., последний – в 381 г. до н.э. (Liv. IV. 25. 5; VI. 22. 5). Луций Фурий Медуллин в начале IV в. до н.э. семь раз занимал эту должность (Liv. V. 32. 1). Таким образом, датировать вариант Геллия можно лишь весьма приблизительно, но, во всяком случае, он предлагает гораздо более позднюю дату, чем другие авторы. Странным представляется и выбор слов для обозначения участия консулярного трибуна – *ei que rei prae fuisset*. Означало ли указанное общее выражение «о руководстве этим делом», что Л. Фурий руководил основными этапами учреждения общественного храма (votum, locatio, dedicatio), т. е. дал обет, определил священный участок, сдал подряд на строительство и осуществил дедикацию храмового здания? Достовер-

²⁹ Drummond 2008a (1989), 22; Forsythe 2005, 186; Torelli 2006, 83.

³⁰ Dionys. VI. 17. 2–4; 94. 3; Tac. Ann. II. 49.

³¹ Обнаруженные остатки архаического храма Диоскуров имеют вполне солидные размеры подиума (примерно 38 на 28 м: Forsythe 2005, 186), что соответствует долгим срокам его строительства.

³² Dionys. I. 34. 4; VI. 1. 4; Fest. P. 430/432, s.v. Saturnia (до Троянской войны).

³³ Macr. Sat. I. 8. 1 (fanum); cf. Dionys. III. 32. 4.

³⁴ Liv. II. 21. 2; Dionys. VI. 1. 4; Varro «De sacris aedibus» ap. Macr. Sat. I. 8. 1.

ность сообщения Гн. Геллия признает К. Латте³⁵, однако у нас нет прямых данных о каком-либо участии консулярных трибунов в храмовом строительстве³⁶. Возможно, речь должна идти о восстановлении храмового здания (например, после галльского разорения), а не о его строительстве, либо имелся в виду какой-то другой храм Сатурна³⁷.

Уникальная ситуация имела место в 495 г. до н.э. при освящении храма Меркурия у Великого цирка, возможно, обетованного по Сивиллиным оракулам³⁸. Традиция передает несколько историй, относящихся именно к началу Республики, о спорах между консулами по поводу чести осуществить посвящение того или иного храма³⁹. А в том году сенат передал решение такого спора на усмотрение народа, который выбрал для освящения храма простого центуриона Марка Летория⁴⁰. Столь сложная процедура не вполне понятна, ведь ситуацию можно было разрешить жребием между консулами. Конечно, речь идет не о логике весьма древних даже для античных историков событий, а о логике их сообщений. Достоверность рассказа, естественно, вызывает сомнения⁴¹, но не сам факт основания храма Меркурия.

Таким образом, с той или иной степенью уверенности античная традиция считала, что в начале Республики были основаны храмы Сатурна, Меркурия, Цереры, Кастора, освященные в 497–484 годах до н.э. К ним следует также причислить храм Женской Фортуны, учрежденный, согласно традиции, в 488–486 годы до н.э.⁴² В изображении античных авторов все эти храмы были возведены государством, другими словами, являлись коммунальными постройками, даже храм Кастора, который более всех похож на индивидуальные постройки второго и третьего этапов храмового строительства: участие одного рода (обетовал отец, освятил сын), длительное строительство (около 15 лет). Тем не менее показательно, что Дионисий ничего не сказал о роли диктатора Авла Постумия, считая возведение храма Кастора делом полиса (Dionys. VI. 13. 4). Вполне вероятно, что за этими представлениями античной традиции лежит историческая реальность: масштаб побед и добычи в данный период не обеспечивал еще материальной базы для индивидуальных построек, которые стали преобладать с эпохи Самнитских войн (см. ниже). Но и пять храмов, построенных за 15 лет, – цифра заметная даже на фоне позднейших эпох. Божества, которым посвятили названные храмы, – это божества основных сфер деятельности – земледелия (Церера, Либер и Либера), военного дела (Кастор и Поллукс), торговли и связанного с ней ремесла (Меркурий). Какую роль в ту эпоху играл Сатурн, сказать сложно в силу многозначности данного бога, чья суть была весьма затемнена позднейшим греческим влиянием. Во всяком случае он явно имел отношение к сельскому хозяйству, вероятно, к посеву (хотя последнее

³⁵ Latte 1960, 254, Anm. 2.

³⁶ Кроме рассмотренного весьма туманного указания, можно привести лишь одно косвенное свидетельство: безымянный обет Аполлону в 433 г. до н.э. (Liv. IV. 25. 3), т.е. в тот год, в котором Римом управляли именно консулярные трибуны.

³⁷ Ogilvie 1965, 290; Richardson 1980, 51.

³⁸ Wissowa. 1912, 304.

³⁹ Liv. II. 8. 6–8; 27. 5; IV. 29. 7 (в последнем случае консул воспользовался отсутствием своего коллеги, чтобы избежать жеребьевки); Plut. Popl. 14.

⁴⁰ Liv. II. 21. 7; 27. 5–6; Val. Max. IX. 3. 6.

⁴¹ Возможные объяснения см. Ogilvie 1965, 303–304 (критический взгляд); Немировский 1964, 112–114 (доверие к традиции).

⁴² Подробнее см. Сморгачев 2004б, 180–181.

оспаривается⁴³). Но, возможно, как хтоническое божество он был связан и с подземным царством мертвых, которое было «представлено» также богиней Карной (если признать сообщение Макробия о строительстве ее святилища). Не забыты и женщины, что отвечает высокому статусу матери семейства в Риме (храм Женской Фортуны). К этому списку, несомненно, следует присоединить доставшийся в «наследство» от Тарквиниев и освященный в первый год Республики храм капитолийской триады (Юпитера, Юноны и Минервы), символ римской государственности, воплощавший в себе все стороны бытия римской общины.

Возведение взаимосвязанной «серии» храмов в начале Республики, на мой взгляд, свидетельствует об определенной политике в сфере общественного храмового строительства. Вопрос о наличии такой политики весьма сложен и неоднозначен, поскольку на следующих (втором и третьем) этапах истории храмового строительства процесс учреждения римских храмов носил, как правило, персональный (магистратский) характер, хотя и при некотором соучастии и влиянии сената⁴⁴. О такой политике можно говорить, если ее проведение обусловлено принципиальными основами жизни данного общества или если объект ее регулирования становится серьезной проблемой. В этой связи обращает на себя внимание возведение храмов Кастору и Поллуксу, богам-всадникам, покровителям аристократии, и Церере, Либери, Либере, сельскохозяйственным божествам, тесно связанным с простым народом. Храм Цереры, Либера и Либеры (так называемая плебейская триада), как известно, стал религиозно-политическим центром плебса, в частности, в нем хранился плебейский архив (Liv. III. 55. 3; Zon. VII. 15). Поэтому не исключено, что возведение указанных храмов было обязано патрицианско-плебейскому противостоянию, обострение которого пришлось как раз на эти годы и завершилось сецессией и созданием плебейского трибуната⁴⁵. Однако античные авторы такой связи не видели и в целом не были склонны объяснять возведение того или иного храма внутривнутриполитическими причинами, за исключением, разумеется, храмов Согласия (Concordia). Тот же храм Цереры в рассказе Дионисия был построен по обету диктатора при активном участии сената (Dionys. VI. 94. 3), а поводом он называет лишь неурожай и нехватку продовольствия (VI. 17. 2–4). Правда, посвятил его консул Сп. Кассий – первый в традиции патриций – сторонник плебса. Это обстоятельство не следует переоценивать, поскольку важнее было, кто и при каких обстоятельствах дал обет и кто обеспечил возведение храма, следствием чего стало посвящение, случайно доставшееся Сп. Кассию в бытность того консулом. Вполне возможно, что возведение храмов Цереры и Меркурия действительно явилось следствием в первую очередь экономических затруднений⁴⁶, которые в свою очередь, конечно, оказывали влияние на политическую борьбу⁴⁷. Однако нарративные источники, как и археологические, все же не могут дать однозначных доказательств.

После всплеска активности в начале Республики наступает спад храмового строительства, фактически отказ от него почти на сто лет, до взятия Вей в 396 г. до н.э. За это время освятили всего лишь два храма, причем с длительным пере-

⁴³ См. безапелляционное замечание: Latte 1960, 137.

⁴⁴ Ziolkowski 1992, 235–236; Aberson 1994, 134; Orlin 1997, 190.

⁴⁵ Wissowa 1899, 1975; Fowler 1908, 74–77; Orlin 1997, 111–112; Немировский 1964, 148–149 (Диоскуры); 154–157 (Церера); Штаерман 1985, 134–135; Штаерман 1987, 85–87 (более осторожные выводы).

⁴⁶ Drummond 2008b (1989), 134, n. 62; 136.

⁴⁷ Fowler 1908, 75–76.

рывом между ними (в 466 и 431 годах до н.э.). В первом случае храм (*aedes*) – или небольшое святилище (*sacellum*), как однажды назвал его Ливий (VIII. 20. 8), – был посвящен богу клятвы *Semo Sancus Dius Fidius* (эти имена использовались и по отдельности). Его, по мнению Дионисия, построил на Квиринале еще Тарквиний Гордый, но освятил в 466 г. до н.э. консул Спурий Постумий, имя которого по решению сената было увековечено в надписи на храме (Dionys. IX. 60. 8; ср. IV. 58. 4). Дионисий никак не комментирует задержку почти в полвека. Не исключено, что имело место новое посвящение (редедикация) после ремонта или восстановления старого храма, как в случае с храмом Матери Матуты, о чем речь пойдет ниже. Культ Семона Санка считался сабинским, что связывало его с традицией о Тите Тации (непосредственно упомянут Проперцием)⁴⁸. В его храме находились, как считали, бронзовая статуя царицы Танаквиль, прялка (или сандалии) и веретено⁴⁹.

Другой храм (*aedes*) – Аполлона на Марсовом поле – был обетован в 433 г. до н.э. и посвящен через два года консулом Гн. Юлием (Liv. IV. 25. 3; 29. 7). Здесь или рядом уже существовало священное место, посвященное Аполлону (*Apollinar*: Liv. III. 63. 7). Поводом для возведения храма стала эпидемия, вынудившая обратиться к Сивиллиным оракулам. Такие чрезвычайные обстоятельства заставили нарушить своего рода мораторий на храмовое строительство. В 353 г. до н.э. этот храм был заново посвящен, по всей видимости, после восстановления (Liv. VII. 20. 9).

Резкий упадок строительной активности (не только храмовой) в V в. до н.э., как правило, объясняют кризисом, охватившим римское общество после свержения царской власти ввиду обострения внешнеполитических, социальных и экономических проблем⁵⁰. Причем проблемы носили более общий характер, касаясь не только Рима, но и всей Центральной Италии, например, обусловленные натиском горных племен на равнины Лация и Кампаний. Но теория кризиса не объясняет всплеск строительной деятельности в начале Республики. К тому же, хотя экономические затруднения, несомненно, оказывают влияние на интенсивность строительной деятельности, но, как известно, в религиозной (и шире – идеологической) области их роль носит подчиненный и опосредованный характер, ибо в затруднительных обстоятельствах общество готово здесь идти на определенные жертвы во имя будущего благополучия. Кроме того, мы не знаем, насколько обременительной для римской общины являлась постройка того или иного храма. Храмы различались и по размерам, и по организации сакрального пространства, и по отделке. Строительство грандиозного по тем (и не только) временам храма Юпитера Капитолийского явно должно было потребовать напряжения сил и возможностей римлян, но были ведь и другие храмы, чье возведение, по всей видимости, не отличалось по расходам от постройки, например, богатого дома. В дальнейшем, по мере роста возможностей, первоначально скромные постройки становились богаче и роскошнее. О том, что не всегда возведение храма было особой проблемой, свидетельствует восстановление разрушенных храмов после галльского разорения: эти меро-

⁴⁸ *Propert.* IV. 9. 74; *Varro.* LL. V. 66; *Varro ap. Dionys.* II. 49. 2; *Ovid.* Fast. VI. 213–218; *Aug.* CD. XVIII. 19.

⁴⁹ *Varro ap. Plin.* NH. VIII. 194; *Plut.* QR. 30; *Fest.* P. 276L, s.v. *praebia*.

⁵⁰ Одно из последних высказываний в этом духе см. Forsythe 2005, 189–190. Ср. более осторожный анализ материала, прежде всего, археологического: Drummond 2008b (1989), 130–143.

приятия, в реальности которых нет сомнений, Ливий и Плутарх упоминают лишь в общем и целом⁵¹.

В силу высказанных соображений мне представляется справедливым искать объяснение длительным перерывам в храмовом строительстве скорее в области идеологических предпочтений и, возможно, политических процессов. В частности, Марио Торелли попытался объяснить сворачивание строительства замыканием патрициата, которое он отнес ко времени около 486 г. до н.э. По его мнению, это замыкание потребовало от патрициев прекратить всякую конкуренцию внутри олигархической элиты для удержания власти⁵². На мой взгляд, его гипотеза, сама по себе интересная и логичная, все же не убедительна, ибо базируется на общих соображениях и тезисах, которые отнюдь не являются аксиомами, например, о времени замыкания патрициата. Адам Жолковски, в свою очередь, предположил, что в ряде случаев речь должна идти не о новом строительстве, а о новом посвящении (редедикации) храмов, построенных царями⁵³. Но он не объясняет, почему предполагаемая им же редедикация храма бога клятвы *Dius Fidius* (466 г. до н.э.), связанного с Сервием Туллем, состоялась через сорок с лишним лет после свержения царской власти. Если бы действительно в начале Республики все храмы были посвящены заново, — что нигде в источниках не утверждается, — то это, скорее всего, случилось бы более или менее одновременно, а не растянулось как минимум на два, а то и на четыре десятилетия. К тому же основание храмов, согласно традиции, начинается лет через десять после изгнания царей, что никак не соответствует гипотезе о редедикации царских святилищ при новой политической системе. Впрочем, не исключено, что строительная деятельность Тарквиния Гордого не ограничилась храмом Юпитера Капитолийского, но им были заложены и другие храмы, достраивать которые (и посвящать) пришлось уже при Республике. Отсюда разброс дедикационных дат — храмы посвящались по мере завершения строительства. Возможно, что объяснение лежит в другой плоскости: после постройки храмов божествам, которые, как отмечалось, охватывали основные сферы жизни римской общины и соответственно удовлетворяли религиозные потребности главных социальных сил, сенат, определявший политику в этом вопросе, счел, в некоторой степени, свою миссию исчерпанной. Ведь помимо храмовых зданий существовало и много священных мест иного рода, также обслуживавших общественные религиозные потребности и выполнявших ключевую функцию римской религии — поддержание мира с богами (*пax deorum*). Не могли не сказаться на политике сената и вышеназванные общие проблемы, в том числе экономические.

Захват Римом этрусского города Вейи (396 г. до н.э.) и галльское нашествие (390 г. до н.э.) привели к поистине революционным изменениям, затронувшим многие сферы жизни древнеримского государства. Сказались эти события и на храмовом строительстве, особенно победа над Вейями. Начало не предвещало ничего необычного. Перед отправкой к Вейям накануне решающего штурма диктатор Марк Фурий Камилл по решению сената (*ex senatus consulto*) обетовал, в случае удачи, устроить Великие игры в честь Юпитера и освятить восстановленный храм Матери Матуты, учреждение которого приписывалось царю Сервию Туллию⁵⁴. Прецеденты такого рода обетов с тем или иным участием сената имелись: уже

⁵¹ *Liv.* V. 50. 1–2; *Plut.* Camil. 30, 31.

⁵² Torelli 2008 (1989), 85 (ср. 82, 88).

⁵³ Ziolkowski 1992, 107 (см. также прим. 30, 32).

⁵⁴ *Liv.* V. 19. 6; *Plut.* Camil. 5. Ср. *Ovid.* Fast. VI. 479–480.

упоминавшийся диктатор Авл Постумий перед выступлением в поход обетовал храм Цереры, Либера и Либеры (Dionys. VI. 17. 2–3; 94. 3), а в 449 г. до н.э. децемвиры обетовали игры за примирение сословий (Liv. IV. 12. 2). Несколько загадочен выбор Матери Матуты, которая никоим образом не была связана с военной деятельностью⁵⁵. Возможно, он объясняется тем, что редедикация ее храма совпала со штурмом Вей⁵⁶. Впрочем, это отдельная проблема, ведь и в позднейшие времена логика выбора того или иного божества для обета далеко не всегда ясна и однозначна.

В этот традиционный порядок Камилл внес примечательные новшества. Непосредственно перед штурмом Вей он без каких-либо консультаций с сенатом произнес два обета, причем оба – чужеземным божествам. Сначала он пообещал десятину от добычи Пифийскому Аполлону⁵⁷. В Риме, как отмечалось выше, давно уже имелся культ Аполлона и даже его храм, освященный в 431 г. до н.э. Но обет Камилла относился к дельфийскому Аполлону, и именно в Дельфы был затем отправлен обещанный дар⁵⁸. Тут же диктатор произнес слова еще одной обрядовой формулы, именуемой *evocatio* («вызывание»). Это также своего рода обет (Liv. V. 22. 7): Камилл призвал покровительницу Вей богиню Юнону Царицу покинуть свой город и перейти в Рим, где диктатор обещал ей храм, достойный ее величия⁵⁹. В Риме Юнона почиталась давно – вместе с Юпитером и Минервой на Капитолии. В данном же случае речь шла об учреждении нового культа, причем богине из враждебного Риму города. По возвращении Камилл, в силу своих диктаторских полномочий, назначил (*locavit*) на Авентине место для будущего храма Юноны Царицы (Liv. V. 23. 7), а через четыре года, в 392 г. до н.э., освятил его, видимо, в качестве дуумвира *aedi dedicandae* (Liv. V. 22. 7; 31. 3). Таким образом, все три стадии основания храма (*votum*, *locatio*, *dedicatio*) были осуществлены одним лицом, что не имело прецедента в предшествующей республиканской истории⁶⁰. До сложения диктаторских полномочий Камилл, в соответствии с обетом, освятил также храм Матери Матуты (Liv. V. 23. 7). Поскольку здесь найдены два храма этого времени на одном подиуме, то, возможно, он освятил и второй храм (Фортуны)⁶¹.

Кроме того, Плутарх приписывает ему еще постройку святилища Вещего Голоса (*Aius Locutius*), который предупредил римлян о нападении галлов в 390 г. до н.э., и обет возвести храм Согласия (*Concordia*) в 367 г. до н.э. на Форуме по поводу примирения патрициев и плебеев⁶². Ливий называет первую постройку *templum* или *sacellum* (святилище)⁶³, – скорее всего, это был огороженный алтарь, как следует

⁵⁵ О ее функциях см. Wissowa 1912. 110–112; Link 1930. 2326–2328; Rose 1934. 157; Прешенди 2005. 165–167.

⁵⁶ Другое предположение, исходящее из внешнеполитической ситуации, см. Ogilvie 1965. 681.

⁵⁷ Liv. V. 21. 2; 23. 8–11; 25. 4–7; Fest. P. 282L, s.v. *pilentis*; Val. Max. V. 6. 8; Plut. Camil. 7, 8; Zon. VII. 21.

⁵⁸ Diod. XIV. 93. 3–5; Liv. V. 25. 10; 28. 2–4; Fest. P. 282L, s.v. *pilentis*; Val. Max. V. 6. 8; Flor. I. 12. 10; Plut. Camil. 8; App. Ital. 8; Zon. VII. 21.

⁵⁹ Liv. V. 21. 3; 22. 4–7; Dionys. XIII. 13. 3; Plut. Camil. 6. Cp. Val. Max. I. 8. 3.

⁶⁰ Ziolkowski 1992. 237.

⁶¹ Torelli 2006. 90. См. также выше прим. 13. Сведения традиции о близости обеих богинь и их храмов см. Link 1930. 2328.

⁶² Plut. Camil. 30, 42. Об обете возвести храм Согласия см. также Ovid. Fast. I. 637–644.

⁶³ Liv. V. 32. 6; 50. 5; 52. 11; cf. Plut. Camil. 30.

из четкого указания Цицерона⁶⁴. Информация по поводу второго храма вызывает сомнения, прежде всего, на том основании, что она отсутствует у Ливия, а сведения о храме Согласия до 121 г. до н.э. (постройка консула Л. Опимия на Форуме) относятся к другим святилищам этой богини⁶⁵.

Впрочем, и без того деятельность Камилла в сакральной области выглядит весьма обширной и нетрадиционной. Его шокирующий триумф, претендующий на божественные почести, надолго запомнился потомкам, не померкнув даже на фоне великих триумфов следующих эпох⁶⁶. Несомненно, в первую очередь сказался авторитет покорителя Вей, завершившего длительную войну и, более того, длительную историю противостояния двух городов, которую традиция начинает с правления Ромула. Материальной основой этого авторитета был огромный объем захваченной добычи, превосходивший все имевшее место ранее, что неизменно подчеркивается античными авторами⁶⁷. Однако если обетованный храм Юноны Царицы Камиллу позволили освятить, избрав его в дуумвиры, то честь устроить Великие игры, им же обетованные, была предоставлена в том же году действующим консулам (Liv. V. 31. 2). Здесь отразилась лишь малая часть той оппозиции, с которой столкнулась эта личность, вознесенная на вершину славы, что, в конечном итоге, закончилось изгнанием, в чем, думается, не стоит, вслед за традицией, винить лишь плебейскую массу.

Показательна неудача, постигшая сына Камилла, Луция, который, будучи также диктатором, попытался последовать примеру своего отца. Во время сражения с аврунками в 345 г. до н.э. он, как и отец, обетовал храм, причем тоже Юноне, на этот раз «Советнице» (Moneta)⁶⁸. Разумеется, обеты на поле боя были персональным деянием, к которым сенат не имел никакого отношения. Но, в отличие от отца, ему не удалось принять участие в исполнении своего обязательства: «после возвращения победителем в Рим он сложил диктаторские полномочия, оставшись связан этим обетом» (cuius damnatus voti cum victor Romam revertisset, dictatura se abdicavit – Liv. VII. 28. 4). Явно дело было не в истечении срока полномочий Луция Фурия: ведь война была незначительной и не потребовала большого времени (ibid. 2–4). Тем не менее ему не дали назначить место для будущего храма, на что диктатор имел полное право: сенат повелел для строительства этого храма (ad aedem... faciendam) избрать особых дуумвиров (ibid. 5). Речь, несомненно, идет о дуумвирах aedi locandae, чьей задачей было определить место под храм, что было связано с определенными ритуалами, а также сдать подряд на его строительство⁶⁹. Вряд ли одним из них был сам герой войны с аврунками, иначе Ливий непременно отметил бы данное обстоятельство – ведь все это звенья одного сообщения. Не указал Ливий и того, кто на следующий год освятил храм (ibid. 6), вероятно, по той же причине – это был не Луций Фурий Камилл. Столь быстрые темпы строительства, по мнению А. Жолковски, сопоставившего сроки возведения коммунальных и индивидуальных храмовых построек, свидетельствуют об активном участии, прежде всего финансовом, государства⁷⁰, что согласуется с данными Ливия. Таким образом, сенат, не желая нарушать «мир с богами» в случае отказа от выполнения

⁶⁴ Cic. Div. I. 101 (ara saepta); cf. II. 69 (ara); Varro ap. Gell. XVI. 17. 2 (ara).

⁶⁵ Доказательства см. Momigliano 1942. 115–117; Ziolkowski 1992. 22–23.

⁶⁶ Liv. V. 23. 4–6; 28. 1; Plut. Camil. 7; Plin. NH. XXXIII. 111–112 (Verrius); Vir. ill. XXIII. 3–4; Zon. VII. 21.

⁶⁷ Liv. V. 20. 1; 21. 14–17; Dionys. XII. 19–20; Plut. Camil. 5. Ср. Val. Max. I. 5. 2.

⁶⁸ Liv. VII. 28. 4; Ovid. Fast. VI. 183–185.

⁶⁹ Подробнее см. Сморчков 2004а. 46–48, 52–53.

⁷⁰ Ziolkowski 1992. 238–239.

обета, произнесенного носителем высшего империя, просто перехватил инициативу и взял в свои руки осуществление этого обета.

А. Жолковски видел в данном эпизоде отражение борьбы за власть двух групп – патрицианских и плебейских лидеров⁷¹. Однако поскольку обет был дан на поле боя, а не в Риме по решению сената, то скорее следует ожидать влияние иных обстоятельств. На мой взгляд, важнейшую роль здесь сыграло противостояние сената и магистратов, независимо от сословной принадлежности последних, – противостояние, прошедшее через всю республиканскую историю⁷². Конечно, позиции сената всегда являлись результатом взаимодействия различных сил внутри его, но нельзя отрицать и наличие явного корпоративного интереса, когда речь заходила об отношениях с высшей исполнительной властью, которая объективно опасна для аристократического правления.

С галльским нашествием было связано освящение в 388 г. до н.э. первого храма Марсу (Liv. VI. 5. 8). Речь явно идет об известном храме Марса у Капенских ворот (между первым и вторым милевым камнем по Аппиевой дороге). Ливий упоминает, что храм был обетован во время Галльской войны (*Gallico bello vota*), однако об обстоятельствах принятия обета более ничего не известно. Не исключено, что храм был основан по приказу Сивиллиных оракулов⁷³, ибо масштабы катастрофы, постигшей римлян в 390 г. до н.э., делали такое обращение вполне ожидаемым. Ливий (V. 50. 2) сообщает об обращении к Сивиллиным книгам вскоре после изгнания галлов по вопросу о порядке очищения восстанавливаемых храмов. Возможно, среди требований оракула находилось и посвящение храма Марсу. Косвенным аргументом может служить необычное указание, что храм освятил *duumvir sacris faciundis*, т.е. один из двух жрецов, в ведении которых находились Сивиллины оракулы. Т. Моммзен предполагает здесь ошибку – должен был быть упомянут *duumvir aedi dedicandae*⁷⁴. Но, возможно, Ливий, который, в общем-то, не очень строг в деталях при изложении повторяющихся ситуаций, решил подчеркнуть в данном случае общественное положение дедикатора, т.е. его жреческий сан, а не само собой разумеющуюся должность дуумвира «для посвящения храма», на которую он был назначен. Быстрые темпы строительства (около двух лет) также позволяют предположить активное участие государства⁷⁵.

К упомянутым общественным постройкам следует добавить храм Юноны Луцины, освященный в 375 г. до н.э. (Plin. NH. XVI. 235). По моему мнению, этот храм, построенный по инициативе римских матрон, был основан именно как общественное святилище⁷⁶. Тяжелая ситуация, обусловленная катастрофой 390 г. до н.э. и ее последствиями, по всей видимости, имела и демографический аспект, так что постройка храма богине-родовспомогательнице была необходима, в том числе, в общественных интересах.

Итак, можно отметить краткий всплеск активности в храмовом строительстве в начале IV в. до н.э., что было стимулировано как великим успехом (захват Вей), так и масштабной катастрофой (падение Рима), после которой встала необходимость восстановления сожженных храмов. Затем опять наступает длительный перерыв, и следующего храма (Юноны Монеты) пришлось ждать несколько десятилетий. Но его строительство оказалось лишь эпизодом. Сведения о возможных других

⁷¹ Ziolkowski 1992, 239–240.

⁷² Схожие рассуждения, хотя и не конкретно по данному случаю, см. Orlin 1997, 1–3.

⁷³ Ziolkowski 1992, 103.

⁷⁴ Mommsen 1887, 621, Anm. 1.

⁷⁵ Ziolkowski 1992, 238.

⁷⁶ Сморчков 2004б, 181–182, 187.

постройках весьма неопределенны. В значительной степени столь малая строительная активность объясняется серьезными внешнеполитическими проблемами, с которыми римляне столкнулись после изгнания галлов, будучи вынуждены отбиваться на всех фронтах. На это же время пришелся новый всплеск сословной борьбы между патрициями и плебеями. Кроме того, сенат, несомненно, сделал выводы из чрезмерного возвышения Камилла, что следует из отстранения его сына – прославленного полководца, консуляра и дважды диктатора на тот момент – от выполнения собственного обета. Таким образом, проявление индивидуальной инициативы в области храмового строительства, обусловленное, в том числе, уникальной личностью (недаром же Камилл получил почетное наименование «второго Ромула»⁷⁷), не имело длительных последствий. Сохранившийся коммунальный характер строительства, на мой взгляд, негативно сказался на его масштабах – честолюбие отдельных лиц оказалось более действенным фактором, как показал следующий этап, начавшийся в конце IV в. до н.э.

Уже к середине IV в. до н.э. ситуация на внешних фронтах изменилась в пользу римлян, что, в свою очередь, смягчило внутренние противоречия. Самнитские войны, при некоторых неудачах, принесли и богатую добычу, и славу, и авторитет отдельным военачальникам. Новые условия способствовали переоценке роли личности, в том числе в храмовом строительстве, где наступили принципиальные изменения, которые можно проследить на примере храма *Salus* (Спасения)⁷⁸. Его возвели на Квиринальском холме, на том месте, которое называлось *collis Salutaris*, что свидетельствует о давнем существовании здесь культа *Salus*⁷⁹. Ливий (IX. 43. 25) не дает точной даты обета, лишь указывает, что он был принят во время Самнитской войны консулом Гаем Юнием Бубульком. Его консулаты приходятся на 317, 313 и 311 годы до н.э., с самнитами он воевал во время двух последних, причем в 311 г. получил право на триумф⁸⁰. Тогда же им была захвачена богатая добыча в городе Бовиане – «чуть ли не больше, чем когда-либо (*unquam*) уносили со всего Самния» (Liv. IX. 31. 5). И хотя Ливий отметил, что вся она была уступлена воинам, это отнюдь не означает отказа полководца от своей доли, которая называлась *manubiae*. Речь явно шла (если уточнение Ливия истинно) о том, что свою долю не получила казна. Первые два консульства Бубулька Ливий едва упоминает (Liv. IX. 20. 7–9; 21. 1; 28. 2, 5–6), причем в обоих случаях были назначены диктаторы, что говорит о малой успешности консульских действий. О последнем же консульстве Ливий рассказывает весьма подробно, особенно о победе в битве, когда консул попал в засаду самнитов (Liv. IX. 30. 1–2; 31). Обет Спасению в таких обстоятельствах напрашивается сам собой.

По всей видимости, занятый на войне, Гай Юний не успел до истечения срока своих консульских полномочий назначить место для храма во исполнение принятого обета. Однако он не стал обращаться в сенат для избрания в дуумвиры *aedi locandae*. О каких-либо противоречиях между ним и сенатом не сообщается, но основания для опасений, как бы сенат не предоставил эту честь кому-нибудь дру-

⁷⁷ Liv. V. 49. 7; VII. 1. 9–10; *Plut.* Camil. 1; *Eutr.* I. 20. 3; II. 4. Даже если оно было изобретением поздней традиции, это говорит о том заметном следе, который оставил Камилл в памяти потомков.

⁷⁸ Этот храм был примечателен, помимо прочего, своими росписями, которые сделал незадолго до его освящения первый известный римский художник Гай Фабий, получивший прозвище *Pictor*, ставшее когноменом этой ветви рода Фабиев: *Val. Max.* VIII. 14. 6; *Plin. NH.* XXXV. 19. Ср. *Cic.* *Tusc.* I. 4. Росписи сохранялись вплоть до пожара при императоре Клавдии.

⁷⁹ Thulin 1920, 2057; Platner–Ashby 1929, 462.

⁸⁰ О триумфе см. *Ins. It.* Vol. XIII. Fasc. 1. P. 542.

тому, имелись вполне серьезные в силу беспрецедентности ситуации. Ведь это был первый известный храм, обетованный консулом, и одновременно первый – обетованный плебеем, каковым являлся Гай Юний. Не имело прецедента и участие плебея в процедуре *locatio*, сопровождавшейся религиозными ритуалами. Учтем, что упоминавшаяся история с отказом Луция Фурия Камиллу произошла относительно недавно, около 35 лет назад. К тому же сам Бубульк был по-прежнему занят войной – в следующем году диктатор Папирий назначил его начальником конницы (*Liv.* IX. 38. 15; 39. 1). В итоге он дождался должности цензора и осуществил обряд *locatio* лишь в 306 г. до н.э., используя для этого цензорские полномочия (*Liv.* IX. 43. 25; X. 1. 9). Прошло еще четыре года, прежде чем он освятил свой храм, будучи на этот раз диктатором (*Liv.* X. 1. 9). Длительность процесса основания храма наводит также на мысль об отказе сената в финансовой помощи⁸¹, тем более, как отмечалось, консул обманул ожидания казны (на добычу из Бовиана)⁸².

Таким образом, все три этапа учреждения этого храма были осуществлены одним лицом, что уже имело прецедент (учреждение храма Юноны Царицы Камиллом). Но важным отличием, повлиявшим на сроки выполнения обета (311–302 гг. до н.э.), стало то, что все три этапа учреждения храма (*votum, locatio, dedicatio*) Гай Юний Бубульк осуществил в разное время, занимая различные магистратские должности из «высшего эшелона». Использование магистратур и военной добычи позволило избежать зависимости от решений сената, неизбежной, если бы Гай Юний попытался добиться своей цели в качестве частного лица, претендуя на специальную должность дуумвира, применявшуюся при учреждении общественного храма на этапах *locatio* и *dedicatio*. Честолюбие знати, подогреваемое крупными военными успехами второй половины IV в. до н.э., уже искало пути обхода сенатского контроля. Гай Юний нашел такой способ, за ним последовали другие, что сыграло важную роль в победе индивидуального начала в данной области общественной религии⁸³. Так что основание храма *Salus* по праву может считаться началом нового этапа в храмовом строительстве, в полной мере отразившим специфику этого этапа⁸⁴.

Как следствие, конец IV – начало III в. до н.э. отмечены небывалой до сих пор интенсивностью храмового строительства: за 311–293 гг. до н.э., т.е. менее чем за двадцать лет, было обетовано десять храмов⁸⁵. Из них лишь один храм (Эскулапу)

⁸¹ Ср. Ziolkowski 1992, 240, 242 (по поводу одновременно возведенного храма Квирина).

⁸² Э.М. Орлин (1997, 179–180), напротив, утверждал, что сенат пошел навстречу пожеланиям Бубулька. Впрочем, его вывод строится не на анализе конкретных сведений, а на общей концепции, на мой взгляд, чрезмерно преувеличивающей участие сената в контроле за храмовым строительством. Однако в его рассуждениях есть и рациональное зерно: открытого противостояния сената и магистратов в религиозных вопросах не было и не могло быть. Здесь скорее имело место сотрудничество, хотя и не всегда без противоречий, как правило, латентных.

⁸³ Ziolkowski 1992, 240.

⁸⁴ А. Жолковски (1992, 240–242) эту роль отдает храму Квирина, обетованному в 325 г. до н.э. (хотя не исключен и 310 г.) и освященному в 293 г. до н.э. Речь, таким образом, идет лишь о хронологическом приоритете, по сути же и по своей новизне истории учреждения храмов Квирина и Спасения не отличаются. На мой взгляд, важнее все же не время обета, а время освящения, т.е. завершения всей процедуры основания храма. С этой точки зрения храм Спасения, освященный в 302 г. до н.э., несомненно, был первым.

⁸⁵ Храмы Спасения (*Salus*), Квирина, Беллоны, Юпитера Победителя (*Victor*), Юпитера Остановителя (*Stator*), Счастливой Судьбы (*Fors Fortuna*), Эскулапа, Согласия (*Concordia*), Победы (*Victoria*), Венеры Милостивой (*Obsequens*). Список см., в частности: Wissowa 1912, 594–595; Latte 1960, 415–416. В этих списках не упомянут лишь маленький храм Согласия, построенный на священном участке Вулкана эдилом Гн. Флавием в 304 г. до н.э. О самих храмах соответствующие статьи см. Platner–Ashby 1929; Ziolkowski 1992.

основали не по обету военачальника, а по указанию Сивиллиных оракулов в связи с эпидемией 293 г. до н.э.⁸⁶ Хотя не для всех известна точная дата дедикации, эти обеты, несомненно, были выполнены, поскольку все храмы упоминаются позднее. Утрата второй декады Ливия лишает нас возможности получить четкую и последовательную картину храмового строительства для 292–219 годов до н.э. Но разрозненные данные других источников и упоминания в сохранившихся книгах Ливия храмов, существовавших после 219 г. до н.э., показывают, что отмеченные для рубежа IV–III вв. до н.э. темпы появления новых храмов продолжают сохраняться и позже. Это резко отличает второй этап храмового строительства в Римской республике от начального. Несомненно, такая активность свидетельствует о возросших материальных возможностях римской общины, но также и о возросших амбициях ее лидеров.

Ключевое отличие между двумя периодами храмового строительства выявляется вполне четко. На первом этапе (V–IV вв. до н.э.) строительство храмов имело в основном коммунальный (общинный) характер – при всех оговорках ввиду известных источниковедческих сложностей. Ситуация изменилась на рубеже IV–III вв. до н.э. С этого времени подавляющая часть храмов стала строиться по инициативе отдельных магистратов и на те средства, которые дала им должность (военная добыча у диктаторов и консулов, штрафы у эдилов). Исключение составляли немногочисленные храмы, учрежденные по Сивиллиным оракулам. Сенат попытался поставить посвящение храмов под общественный контроль и сохранить свое влияние, но эта попытка имела успех лишь частично, а в целом оказалась малоэффективной, как показала дальнейшая история вплоть до конца Республики⁸⁷. Коммунальный характер храмового строительства в первые два века существования Республики соответствовал как экономической ситуации, так и соотношению сил в системе управления римской общиной, где, как считают многие авторитетные ученые второй половины XX в. (В. Кункель, А. Хойс, Г. Везенберг, А. Джованнини, Б. Линке), преобладал сенат (*patres*)⁸⁸. Ведь аристократия, уничтожившая царскую власть, не была заинтересована в концентрации власти (даже временной) в руках отдельных своих представителей, получивших магистратские полномочия. К тому же простота управленческих задач в рамках небольшой общины не требовала еще сильной исполнительной власти. Соответственно, расширение ее полномочий (в ущерб сенату) происходило со временем по мере расширения римского государства и усложнения управления им. В пользу этого вывода говорит также история храмового строительства в эпоху Ранней республики.

Литература

- Немировский А.И. 1964: Идеология и культура раннего Рима. Воронеж.
 Прешенди Ф. 2005: Праздник Матери Матуты и тети со стороны матери // Древнее Средиземноморье: религия, общество, культура. М., 157–170.
 Сморгачев А.М. 2002: Два закона о дедикации // Древнее право. 1(9), 77–86.
 Сморгачев А.М. 2004а: Этап *locatio* (сакральные аспекты) при учреждении общественного храма в республиканском Риме // Древний Восток и античный мир. Труды кафедры истории древнего мира МГУ им. М.В. Ломоносова. 6, 46–55.
 Сморгачев А.М. 2004б: Немагистратские общественные храмы республиканского Рима // ВДИ. 2, 179–188.
 Штаерман Е.М. 1985: От религии общины к мировой религии // Культура древнего Рима / Е.С. Голубцова (ред.). Т. I. М., 106–209.

⁸⁶ Liv. X. 47. 6–7; ср. Val. Max. I. 8. 2.

⁸⁷ Анализ с соответствующей историографией см. Сморгачев 2002, 80–86.

⁸⁸ Linke 1995, 143–149 (здесь же ссылки на соответствующую историографию).

- Штаерман Е.М.* 1987: Социальные основы религии древнего Рима. М.
- Штаерман Е.М.* 1991: Карна // Мифологический словарь / Е.М. Мелетинский (ред.). М., 278.
- Aberson M.* 1994: Temples votifs et butin de guerre dans la Rome republicaine. Genève.
- Aust E.* 1899: Carna // RE. Bd 3, 1597–1598.
- Colonna G.* 1981: Tarquinio Prisco e il tempio di Giove Capitolino // La Parola del Passato. 36, 41–59.
- Cornell T.I.* 2008 (1989): Rome and Latium to 390 B.C. // CAH. Ed. 2. Vol. VII. P. 2. Cambr., 243–308.
- Cornell T.I.* 1995: The Beginnings of Rome. L.–N.Y.
- Drummond A.* 2008a (1989): The creation of early Roman history // CAH. Ed. 2. Vol. VII. P. 2. Cambr., 16–29.
- Drummond A.* 2008b (1989): Rome in the fifth century I: the social and economic framework // CAH. Ed. 2. Vol. VII. P. 2. Cambr., 113–171.
- Forsythe G.* 2005: A critical history of early Rome: from prehistory to the first Punic War. Berkeley.
- Flowell W.W.* 1908: The Roman festivals of the period of the Republic. Ed. 2. L.
- Gjerstad E.* 1960: Early Rome. Vol. III. Fortifications, domestic architecture, sanctuaries, stratigraphic excavations. Lund.
- Latte K.* 1960: Römische Religionsgeschichte. München.
- Link.* 1930: Matuta // RE. Hlbd 28, 2326–2329.
- Linke B.* 1995: Von der Verwandtschaft zum Staat. Die Entstehung politischer Organisationsformen in der frühromischen Geschichte. Stuttgart.
- Momigliano A.* 1942: Camillus and Concord // CQ. 36, 3/4, 111–120.
- Momigliano A.* 2008 (1989): The origins of Rome // CAH. Ed. 2. Vol. VII. P. 2. Cambr., 52–112.
- Mommsen Th.* 1887: Römische Staatsrecht. Bd 2. Aufl. 3. Lpz.
- Ogilvie R.M.* 1965: A Commentary on Livy. Books 1–5. Oxf.
- Orlin E.M.* 1997: Temples, religion and politics in the Roman Republic. Leiden–N.Y.–Köln.
- Platner S., Ashby T.* 1929: A Topographical Dictionary of Ancient Rome. L.
- Richardson L.* 1980: The Approach to the Temple of Saturn in Rome // AJA. 84, 1, 51–62.
- Rohde G.* 1932: Die Bedeutung der Tempelgründungen im Staatsleben der Römer. Marburg.
- Rose H.J.* 1934: Two Roman Rites // CQ. 28, 3/4, 156–158.
- Thulin C.O.* 1920: Salus // RE. Reihe 2. Halbbd 2. Stuttgart, 2057–2059.
- Torelli M.* 2008 (1989): Archaic Rome between Latium and Etruria // CAH. Ed. 2. Vol. VII. P. 2. Cambr., 30–51.
- Torelli M.* 2006: The Topography and Archeology of Republican Rome // A Companion to the Roman Republic. Oxf., 81–101.
- Wissowa G.* 1899: Ceres // RE. Bd 3, 1970–1979.
- Wissowa G.* 1912: Religion und Kultus der Römer. Aufl. 2. München.
- Ziolkowski A.* 1992: The Temples of Mid-Republican Rome and their Historical and Topographical Context. Roma.

TEMPLE BUILDING IN THE EARLY REPUBLIC (5TH–4TH CENTURIES BC): HISTORY AND POLITICAL MEANING

A.M. Smorchkov

The author tries to reveal the specific features of early republican temple building, mainly in connection with the evolution of political power. At this stage construction of temples was chiefly communal. This was due to the economical situation and to the policy of the patricians, who were not interested in the growth of executive power in the hands of magistrates. At the beginning of the republican period a number of temples were built, dedicated to the ensemble of gods that covered all the spheres of communal life and met the religious needs of the main social forces. The «series» of temples erected at the beginning of the Republic implied a policy concerning public temple building. A short splash of individual temple building in the early 4th century BC, connected with the outstanding personality of M. Furius Camillus, had no long-run consequences at first, but was an anticipation of the next stage. The Senate drew conclusions from the excessive power concentrated in Camillus' hands and kept its control over temple building. Communal character of construction was not favourable for its scale. The situation changed on the verge of the 3rd century BC, when almost all temples were built by magistrates at the expenses their office could provide for. The practice became characteristic of the next period of temple building.